

УДК 316.354

Глобализационный дискурс в современной социологии управления**Максименко А.А.**

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии Шарьинского филиала
Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

В статье автор прослеживает развитие взглядов современных социологов на вопросы глобализации в контексте социологии управления. Делается вывод, что закономерным ответом на тотальный характер глобальной универсализации и унификации являются системы и культуры, основанные на ценностно-рациональной основе, пытающиеся сохранить свою идентичность в рамках определенных социокультурных границ. Фрагментация и индивидуализация социальной жизни в качестве компенсаторной реакции вызывают на уровне общественного и индивидуального сознания потребности к коллективному действию, проявлению непотребительских, солидарных и даже альтруистических моделей поведения.

Ключевые слова: глобализация, социология управления, сетизация, ценностно-рациональное управление.

Одним из важных следствий глобализационных процессов явилась необходимость коррекции существующих направлений в теории менеджмента и социологии управления.

За один год до появления термина «глобализация» в работе Р. Робертсона (1983) выходит исследование Дж. Нейсбита «Мегатренды» (1982), в котором он определил десять глобальных тенденций (мегатрендов) современности, связанных с переходами:

- 1) от индустриального общества к информационному;
- 2) от развитой техники к высоким технологиям;
- 3) от национальных экономик к мировой экономике;
- 4) от краткосрочных задач к долговременным;
- 5) от централизации к децентрализации;
- 6) от институциональной помощи к самопомощи;
- 7) от представительной демократии к непосредственной;
- 8) от иерархии к сетям;
- 9) от Севера к Югу;
- 10) от альтернативного выбора «или/или» к многообразию выбора [1].

Особый акцент в данной части работы будет сделан на восьмом мегатренде в интерпретации Дж. Нейсбита «переход от иерархии к сетям», как

нового принципа формальной рациональности и структурирования социальных организаций и общностей.

Одно из известных определений глобализации принадлежит А.И. Уткину: «Глобализация – это слияние национальных экономик в единую общемировую систему. Она основывается на возникшей в последнее десятилетие XX в. легкости перемещения капитала, на новой информационной открытости мира, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала» [2, с. 33]. Акцент на экономическом аспекте глобализации и дискурсе в экономической теории обусловлен пониманием роли экономики как локомотива глобализационных процессов. Как экономический, так и социокультурный аспекты глобализации предполагают формирование всеобъемлющих, универсальных и унифицированных связей между различными компонентами на макро-, мезо- и микроуровне социальной реальности: государствами, обществами, социальными общностями и группами, индивидами.

В современной западной социологии и других отраслях социально-гуманитарного знания глобализационный дискурс привел к возникновению двух основных направлений: технократического (У. Бра-

ун, Т. Веблен, Г. Кан, Д. Белл, А. Тоффлер, А. Турен, А. Шафф, Г. Фридрихс, А. Винер, Г. Скотт, Э. Гертнер, Д. Несбит, Л. Ловинс и др.) и технопессимистического (Г. Маркузе, Д. Медоуз, К. Боулдинг, Т. Роззак, П. Гудмен, М. Робертс, Ф. Сен-Марк, К. Девис, А. Эрлих, У. Бек и др.). Первое направление тяготеет к сциентизму, акцентируя связь глобализации с развитием научно-технического прогресса, ее положительные последствия и возможности. Второе направление, напротив, акцентировано на негативных последствиях экспансии глобальных связей и зависимостей.

В отечественной науке интерес к мировым проблемам и глобальным процессам появляется еще до появления теории глобализации, а именно в 70-е гг. XX века. Исследования велись в трех основных направлениях: научно-теоретическом (И.Т. Фролов, Н.Н. Моисеев, П.Л. Капица, Е.К. Федоров, Н.Н. Иноземцев, Д.М. Гвишиани, В.В. Загладин, Г.С. Хозин, И.В. Бестужев-Лада, Ю.А. Косыгин, В.Е. Соколов и др.), социально-экологическом (А.Л. Яншин, Н.Ф. Реймерс, Г.В. Добровольский, М.И. Будыко, И.П. Герасимов, В.А. Ковда, А.С. Исаев, И.И. Мазур, Н.Н. Дроздов, М.М. Камшилов, Р.С. Карпинская, Н.М. Мамедов, И.Б. Новик, Ю.А. Школенко и др.) и социокультурном (В.А. Виноградов, С.П. Капица, Н.С. Касимов, О.С. Колбасов, В.В. Петров, Б.Ц. Урланис, Г.Х. Шахназаров, А.В. Кацура, В.М. Лейбин, А.И. Косин и др.).

В настоящее время сформировались три основных подхода в глобализационном дискурсе: 1) революционный (Т. Фридман, Р. Кеохане, Дж. Най, К. Омаэ и др.), основан на экономической апологии неолиберализма, приветствует процессы денационализации экономики, развитие транснациональных финансовых, торговых и производственных сетей, акцентирован на положительных последствиях глобализационных процессов и возникающих связей и зависимостей; 2) эволюционный (И. Уоллерстайн, Э. Гидденс, Дж. Розенау, Р. Фолк и др.), фокусируется на объективном эволюционном характере глобализационных изменений, формировании новой глобальной системы и необходимости адаптации обществ, социальных институтов, групп и индивидов к взаимозависимой и нестабильной социальной реальности; 3) скептический подход (Е. Витткопф, Ч. Кегли, Н. Ренвик) акцентирует негативные последствия глобализации.

Теоретико-методологические основания теории глобализации включают ряд теорий и концепций: концепцию «открытого общества» К. Поппера, «конца истории» Ф. Фукуямы, «мир-системную» теорию И. Уоллерстайна, геополитическую концепцию З. Бзжезинского, историософию глобализации Ж. Аттали, концепцию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, модель «мировой культуры» (М. Арчер, М. Феверстоун, Р. Робертсон), теорию

глобального сообщества Э. Гидденса, теорию «обществ, основанных на знании» Н. Стера и др.

Необходимо отметить, что среди исследователей данной проблематики нет единого понимания этого явления. Глобализация определяется как новая капиталистическая экономика (М. Кастельс), как качественно новая ступень развития мирового хозяйства, характеризующаяся формированием центра надгосударственного управления, монополизировавшего важнейшие ресурсы экономического развития мира (В.Н. Овчинников, Н.П. Кетова), как объективный процесс, в ходе развития которого качественно изменяются производительные силы и производственные отношения (О.В. Гуденица), и даже упрощенно отождествляя глобализацию и различные формы международных экономических отношений и связей.

Дифференциация интерпретаций и дефиниций глобализации демонстрирует разброс от общеполитических до утилитаристских конъюнктурских редакций, пораженных экономизмом. С одной стороны, широкую интерпретацию глобализации мы находим у М. Арчер, которая видит в ней многосторонний процесс, ведущий к нарастающей мировой взаимозависимости структуры, культуры и субъекта и сопровождающийся стиранием традиционных границ [3]. К. Момджян также трактует глобализацию не как деятельность, состояние, а как процесс: «Полагаю, что в своем объективном содержании глобализация имеет два связанных, но не совпадающих измерения, выступая как *унификация* и как *интеграция*. Для понимания их различия важно различать понятие связи, которая выражает *взаимную согласованность изменений*, и категорию отношения, которая *фиксирует соразмерность не связанных или не обязательно связанных между собой явлений*, их соотношение по критериям сходства, подобия и различия» [4, с. 39].

Макроэкономические концепции глобализации обходят понимание природы человека (как движущей силы социальных изменений), оперируют абстрактными взаимосвязями, поэтому не объясняют ни природы явления (в том числе и механизмов, посредством которых рассматриваемый процесс приобрел столь масштабное распространение), ни тех новых инструментов в управлении организациями, которые появляются (например, сетизация деловой среды). Нельзя в данном случае не согласиться с замечанием У. Бека: «Глобализм редуцирует новую сложность глобальности и глобализацию к одному – экономическому измерению, которое *к тому же мыслится линейно* как непрерывное расширение всякого рода зависимости от мирового рынка. Все остальные измерения – экологическая глобализация, культурная глокализация, полицентрическая политика, возникновение транснациональных пространств и идентичностей – тематизируется (если это вообще делается) только в предположении о доминировании

экономической глобализации. Мировое сообщество, таким образом, урезается и фальсифицируется, оказываясь мировым *рыночным* сообществом. В этом смысле нелиберальный глобализм есть форма проявления *одномерных типов* мышления и действий, разновидность *монокаузального* взгляда на мир, то есть экономизма» [5, с. 203].

В рамках нашей статьи мы интерпретируем глобализацию в ее понимании У. Беком: глобализация – это «диалектический процесс, который создает транснациональные социальные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьих культур» [5, с. 204].

Один из основных методологических вопросов теории глобализации – это вопрос о рациональности. Какой тип рациональности доминирует в процессе глобализации, и возможно ли в эпоху глобализации строить управленческие модели и системы на ценностно-рациональном основании?

Наиболее распространенной является методологическая позиция, рассматривающая глобализацию как продолжение и актуализацию доминирующих признаков модерна с господством формальной рациональности, то есть целерациональности, по М. Веберу, или системной рациональности, по Ю. Хабермасу. Глобализация, несмотря на различающееся к ней отношение, понимается в целом как экспансия абстрактных, универсальных и унифицированных систем, использующих алгоритмы формализованного целерационального поведения.

Теория глобализации как американизации и «макдональдизации» Дж. Ритцера основывается на рефлексии концепции формальной рациональности в творчестве М. Вебера, для которого идеальным примером проявления формальной рациональности служила бюрократия. Дж. Ритцер утверждает, что формальная рациональность не только не сдала свои позиции, но, наоборот, распространилась в те сферы социальной реальности, которые во времена М. Вебера были для нее закрыты. В качестве примера и «идеального типа» проявления подобной экспансии он взял сеть ресторанов быстрого обслуживания «Мак-Дональдс».

По мнению Дж. Ритцера, «Существуют четыре измерения формальной рациональности: эффективность, предсказуемость, упор скорее на количестве, чем на качестве, и осуществление контроля посредством замены человеческих технологий унификацией операций» [6, с. 414]. Эффективность означает поиск наилучших средств для достижения цели. Предсказуемость означает существование мира без неожиданностей. Калькуляция, то есть исчисляемость предполагает, что рациональные системы, как правило, делают упор на количестве, а не на качестве. Контроль с использованием унифицированных, не учитывающих личностный фактор технологий обесценивает квалификацию работника.

Рационализация с позиции теории макдональдизации имеет следствием своего применения эффект, обозначенный в свое время К. Манхеймом как «дегуманизация», то есть определенное обесценивание творческих индивидуальных способностей индивида, лишение его статуса незаменимого базового элемента воспроизводства социальных систем (в частности, социальных организаций). По мнению Дж. Ритцера подчеркивал: «...такая формально-рациональная система привносит различные моменты иррациональности, из которых наиболее значительные – это демистификация и дегуманизация процесса приема пищи» [6, с. 418].

Формализованный характер рационализации ставит под сомнение возможность существования ценностно-рациональных альтернатив. Формальная рациональность позволяет системе рассматривать индивида не как гражданина, личность, а как потребителя, жизнедеятельность которого должна быть предсказуема, калькулируема, а его трудовая деятельность эффективна и унифицирована. В свою очередь, группы и общности должны быть калькулируемы и интерпретированы как необходимые и «полезные» для системы категории – «целевые группы», «аудитории» и т.п.

Власть формальной рациональности является объектом пристального внимания и в постструктуралистской и постмодернистской теории. Контроль и калькуляции подлежат и «тело», о чем предупреждал М. Фуко, власть формализованных социальных систем создает в обществе потребления бесконечные «паноптикумы», структуры, наблюдающие за поведением конформистских потребителей. Современный супермаркет и офис представляют собой такой же наблюдаемый паноптикум, как и тюрьма у М. Фуко, предоставляя возможности оказания дисциплинарного воздействия на тело. Однако, следуя концепции М. Фуко, Х. Шрадер утверждает, что: «...каждая нация и каждое экономико-политическое пространство нуждаются не только в символах общности, но и в правилах исключения, так как именно инаковость сообщает отличие и особенность собственной культуре» [7, с. 25]. Поэтому давление контролирующих и дисциплинирующих инстанций глобализации, в свою очередь, усиливает контрэффект дифференциации и фрагментации культурных смыслов и идентичностей, локализации (и глокализации) социокультурного своеобразия.

Ж. Бодрийяр, в свою очередь, говорит о власти знаков и производящих их систем. Господство с помощью знаковых систем меняет системные цели с процесса производства, получения прибыли и эксплуатации на манипуляцию знаками, смыслами и сознанием. Знаки отрываются от своих референтов и превращаются в «симулякры», воспроизводящие и транслирующие смыслы, не адекватные социальным событиям и ситуациям. Фундаментальным

свойством симулякра выступает его слабая или вообще отсутствующая соотнесенность с какой-либо реальностью. По мнению Ж. Бодрийяра, в обществе потребления произошла революция симуляции знака-кода – симулякра, ведущая к появлению «гиперреальности». Но ее власти противостоят различные силы, ставящие под сомнение доминирование глобализационных процессов и тенденций: «Перед лицом этой унифицирующей и разлагающей власти видно как повсюду возникают разнородные силы – не просто отличные друг от друга, а антагонистичные. За все более активным противостоянием глобализации, за сопротивлением политическим и экономическим стоит архаичное неповиновение: что-то вроде мучительного ревизионизма относительно достижений современности и «прогресса», неприятие не только глобальной техноструктуры, но и ментальной структуры равноценности всех культур» [8, с. 22].

Постмодернистская критика глобализации находит сторонников в рядах представителей социологии глобализации и культурной антропологии. А. Аппадурай подчеркивает дихотомический и дизъюнктивный характер глобализации: «Центральная проблема сегодняшнего глобального взаимодействия состоит в напряжении между культурной гомогенизацией и культурной гетерогенизацией» [9, с. 74]. Противостояние культурного своеобразия и унификации видится им в качестве центрального вопроса теории глобализации. Выделяя несколько направлений глобализационного социокультурного воздействия: финансовые перемещения, этнические перемещения и технологические перемещения, А. Аппадурай сосредотачивается на радикальной критике культурного производства и влияния, являющихся тотализирующими инструментами вестернизации и американизации незападных обществ.

Л. Склэр утверждает, что основу глобализации составляют «культурно-идеологические транснациональные практики», являющиеся механизмами и инструментами господства глобального капитализма: «Культура всегда имеет идеологическую функцию в связи с потреблением в глобальной системе капитализма. Поэтому все культурные транснациональные практики в этой области являются одновременно идеологическими практиками и, таким образом, культурно-идеологическими. Идеи культурно-идеологических транснациональных практик и в особенности культуры-идеологии потребления в глобальной системе являются средствами концептуального анализа в теории глобальной системы. Глобальный капитализм не терпит культурной нейтральности. Культурные практики, которые не могут войти в состав культуры-идеологии потребления, становятся оппозиционными силами контргегемонии. В этой связи они подлежат трансформации или маргинализации. В случае неуспеха подобных акций их ожидает физическое устранение» [10, р. 311].

Американский философ марксистской ориентации Ф. Джеймисон осуществил попытку синтеза постмодернистской и марксистской парадигм, отказавшись признавать разрыв между современностью и постсовременностью [11, р. 46–48]. Ф. Джеймисон выделяет три стадии развития капиталистического общества – национальный капитализм, монополистический капитализм и многонациональный капитализм, которым в культурном плане соответствуют три стиля – реализм, модернизм и постмодернизм. Ф. Джеймисон интерпретирует постмодернизм как «культурную логику позднего капитализма» и подчеркивает, что его генезис тесно связан с формированием общества потребления, финализмом процесса модернизации, колонизацией ранее не подвергнутых овеществлению сфер социального. В период господства постмодерна базовая тенденция капитализма – реификация (овеществление) достигает максимальной реализации. Ф. Джеймисон выделяет негативные последствия реификации: фрагментацию, специализацию и автономизацию социальной реальности, товарную фетишизацию.

Экспансионистский характер западной культуры, прячущейся за глобальной культурной индустрией, Д. Томлинсон интерпретирует как «культурный империализм», акцентируя его медийный характер. Используя терминологию М. Фуко, он пишет, что «западное» мышление определяет «порядок дискурса», то есть саму возможность помыслить что-либо для «незападных» культур [12].

Согласно С. Хантингтону глобализация детерминирует рост конфликтности в мире, выливающийся, в конечном итоге, в противостояние, конфликт цивилизаций по «линиям разлома» между ними. Основным конфликтогенным фактором выступает экономическая глобализация, то есть экономическая экспансия, вызывающая напряжение не только в экономической сфере, но и в культуре, системе нравственности, традиции, этнической и религиозной жизни незападных обществ. По мнению С. Хантингтона, «...в мире после “холодной войны” культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [13, с. 409]. Как следствие данных социальных изменений: «Впервые в истории глобальная политика и многополюсна и полицивилизационна; модернизация отделена от “вестернизации” – распространения западных идеалов и норм не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации в точном смысле этого слова, ни к вестернизации незападных обществ» [13, 411].

З. Бауман в своей концепции «индивидуализированного общества» представляет глобализацию как неконтролируемый объективный процесс, противоположный управляемой интернационализации и универсализации: «...концепция “глобализации” была

создана для того, чтобы заменить прежнюю концепцию “универсализации”, когда стало ясно, что установление глобальных связей и сетей не имеет ничего общего с преднамеренностью и контролируемостью, подразумевавшимися ею. Понятие глобализации описывает процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными» [14]. Фрагментация и индивидуализация социальной жизни детерминирует разрывы между институциональным, общественным и индивидуальным. Индивид оказывается в ситуации перманентной неопределенности, невозможности контролировать свою судьбу, и эта неопределенность генерируется, транслируется и легитимизируется силами глобализации. Глобализацию сопровождает процесс ревизии существующих систем ценностей, усиливая эффект фрагментации и индивидуализации социума. В качестве следствия принятия такого диагноза З. Бауман утверждает необходимость морального поведения, возрождения нравственности как актуальной задачи современности. На пути разрушительных сил глобализации З. Бауман ставит государство и реанимированные силы общественности, публичности: «К выработке новых, столь необходимых в наступившем столетии этических правил следует подходить как к политической проблеме и политической задаче» [14, с. 312].

На наш взгляд, закономерным ответом на тотальный характер глобальной универсализации и унификации являются системы и культуры, основанные на ценностно-рациональной основе, пытающиеся сохранить свою идентичность в рамках определенных социокультурных границ. Фрагментация и индивидуализация социальной жизни в качестве компенсаторной реакции вызывают на уровне общественного и индивидуального сознания потребности к коллективному действию, проявлению непотребительских, солидарных и даже альтруистических моделей поведения. Помимо этого, кризис идентичности детерминирует стремление к ее обретению и легитимации, а также к эмпатическому разделению ее с другими, что с неизбежностью порождает генезис групп и общностей на основании идентичности целей и ценностей.

Литература:

1. Нейсбит Д. Мегатренды / Пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ, 2003. – 380 с.
2. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление // Свободная мысль – XXI. – 2000. – № 11. – С. 28–38.
3. Archer M. Sociology for One World: Unity and Diversity // International Sociology. – 1991. – Vol. 6. – № 2. – P. 133–147.
4. Момджян К. Об одном многократно упоминаемом процессе... // Сумерки глобализации: настольная книга антиглобалиста / Сост. и ред. А.Ю. Ашкеров. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – С. 38–45.
5. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
6. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
7. Шрадер Х. Глобализация, (де)цивилизация и мораль // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 22–34.
8. Бодрийяр Ж. Насилие глобализации // Логос. – 2003. – № 1 (36). – С. 20–23.
9. Appadurai A. Dsjuncture and difference in the global cultural economy // Robertson R. White K. E. (Ed.) Globalisation. Critical concept in sociology. Vol. 1. – London, 2003. – P. 48–97.
10. Jameson F., White K.E. Notes on globalization as a philosophical issue // Globalisation. Critical concept in sociology. – 2003. – Vol. I. – P. 309–328.
11. Sklair L. Sociology of the Global System. – N.Y.: Prentice Hall, 1995. – 172 p.
12. Tomlinson J. Cultural Imperialism: A Critical Introduction. Baltimore. – MD: John Hopkins University Press, 1991. – 187 p.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 с.
14. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Изд-во «Логос», 2002. – 390 с.

Globalization Discourse in Contemporary Sociology of Management

A. Maksimenko

Kostroma State University named after N.A. Nekrasova

The author traces the development of views of contemporary sociologists on globalization in the context of sociology of management, and makes the conclusion that the typical response to total globalization and unification is the systems and cultures based on axiological and rational grounds that strive to preserve their identity in the frame of certain socio cultural borders. Fragmentation and individualization of social life as a compensatory reaction lead to raising necessity of collective action and nonconsumptive, solidary, altruistic models of behavior on the level of social and individual consciousness.

Key words: globalization, sociology of management, networking, axiological and rational management.